

В этом году ушёл из жизни один из наших самых любимых татарских поэтов, лауреат Государственной премии Республики Татарстан им. Г. Тукая, Заслуженный деятель искусств РТ Зульфат (Дульфат Маликов). В одном из стихотворений он писал о родном крае: «Запомнить всё до звуков и тонов // И унести в душе навек с собою!..»

Да, Зульфат тонко чувствовал свою родину, и эти свои поэтические ощущения не унёс с собою – оставил в своих замечательных стихах

ПОЭЗИЯ

Зульфат

1947–2007

109

Тишина

Весной однажды я во тьме проснусь
В минуту пробужденья вешних почек
И вдаль уйду, исчезну, растворюсь
В той тишине, что в сны приходит ночью...

И дремлющему озеру в лесу
Я истолкую всё, что ему снится,
У тучки из озёрных снов спрошу
легко и просто: «Как дела, сестрица?»

И ласточка над озером, как вздох,
Взлетит, а тень её на дне растает.
Заговорю на языке цветов,
На языке ветров раскрою тайны...

Плеснётся в мои мысли свет берёз.
Вольётся в мою нежность шелест листьев.
Ответь задавшим обо мне вопрос:
«Ушёл в весну свою, не возвратится...»

О суетной земле я свой рассказ,
О том, как жил здесь, – тишине доверю.
Лишь мимоходом навестил я вас –
Дорожная одежда – возле двери.

Отправлюсь в путь таинственный, когда
Дыханьем тишина меня коснётся.
И, словно повторяя тень со дна,
Над водной гладью ласточка взовьётся...

110

ПОЭЗИЯ

Полёт

Боль прошла. Я спокоен уже.
Но осталась тревога в душе!
Одинокие ночи мои,
Не способны вы страх победить!
Тишина разрывается словно
От последнего в памяти слова
Твоего. Так хотелось бы знать:
Заставляет ли сердце страдать
И моё последнее слово, –
В нём рассудок боролся с любовью...
Боль прошла... Только память не хочет
Тишины и спокойствия ночи
И тебя словно молит и молит.
Знай, покой этот тягостней боли.
Видишь, как я чертовски спокоен, –
Зла тебе не желал бы такого!
Мы летим на такой высоте –
В безболезненной пустоте!
Мы летим, и ветра нам поют,
Но, увы, не раскрыт
Парашют.

111

Проснись

Прокралась осень в чашу леса –
Крылом своим задела золотым
Зелёное лесное сердце.
Ах, осень, и меня коснулась ты?!
Очнись от дрёмы
и взгляни:
Над головой –
созревший плод судьбы,
Он молнией сорвётся через миг
В прохладную ладонь земли...
Какая осень!
Человек, проснись!
День жизни повстречался нынче с чудом.
Огонь! –
И яблоко сорвалось вниз.
А яблоню до мая не разбудишь...

Хлеб

112

На потрескавшуюся от зноя
 землю,
 ударяясь о жёлтую стерню,
 падают налитые зёрна.
 Задевая горячие усики кузнечика,
 остаются на широких листьях осота.
 Волглый ветерок с лесных полян
 легче паутинки
 и, похожий на прозрачный стяг лета,
 колышет марево горизонта
 Хлеб...
 Каравай, прижатый к груди матери
 перед тем, как разломать, обжигаясь,
 на куски,
 обдающий белым душистым парком
 порозовевшие мамины щеки,
 губы в улыбке.
 Ах, хлеб...
 у солдата, упавшего навзничь
 на развороченный взрывом бруствер
 посреди красного снега,
 в котомке за спиной
 застывшая за сутки краюха.
 Собака пытается перевернуть
 безжизненное тело.
 Ах, запах хлеба...

Ушла, единым взглядом обвинив,
 И вёсны унесла навек с собою.
 Лишила меня солнца и луны,
 У сердца отняла всё дорогое.

Без неба, без дыханья, без тепла
 Я умереть желал безумно!
 Но даже смерть с собой ты унесла,
 И я... не умер.

Горим!

– Горим!
Горим!
Горим!
Горим!

...Родник стал паром. Ни глотка – на дне.
Язык пожара мечется по лугу.
И стонет лес в мучительном огне,
И рвётся к небу огненная мука.

И лижет смерть зеленые стволы,
И все живое душит едким дымом.
Как будто с гулом
вдруг из-под земли
Горящая возникла Хиросима.
И муравейник ужасом объят,
Пылает на глазах, не угасая,
И чёрным пеплом устилает ад,

Откуда смотрит,
смотрит
Нагасаки.
Ждал папоротник долгие века,
Чтоб ровно в полночь зацвести однажды,
И видел сны...
Но скрылись облака
В тот день.
И листья задохнулись в жажде.
И белка рыжая –
клубок огня,
Носилась до последнего по веткам.
На тоненьких,
ещё живых корнях.
Горячий хмель –
Успел войти во цвет он!
Шумит урман,
как время на витке.
Ползёт пожар от запада к востоку.
И соловей сгорает, недопев,
И яблоко летит
к земле до срока.
Сгорает дичь в невидимых силках.
Но кто затеял страшную охоту?
Стихия разыгралась здесь в лесах,
Трагедия здесь
водит хороводы. Кто он, безумец,
что тебя поджег,
урман могучий,
как сама эпоха?
...Как будто вниз сорвался самолёт
Из пламени
в ответ
услышал
грохот...
– Горим!
Горим!
Горим!
Горим!

Небо,
полное звёздного роя,
Посмотри,
ночью, словно живое!
И пульсирует космос,
и ждёт:
Все секреты твои – тронь рукою.

Небу долго смотрю я в глаза,
И, мне кажется,
вижу в них слёзы.
Где ты? Крикнуть,
тебя бы позвать
Издалёка под светлые звёзды...

Сердце,
полное звёздного роя,
И горит, и болит –
ведь живое!
Бьется гулко в груди,
ждёт и ждёт:
Все секреты твои – тронь рукою.

Ты спишь, Казань, укрыта тьмой ночной,
А я – бессонницу маюсь.
Небесный свод склонился над тобой,
Дыханию домов внимая...
Один я в этой чуткой тишине.
Сююмбика в тумане белом.
Кабан под снегом в пышной белизне.
Легенды в минаретах дремлют.
Ты спишь, Казань, о белый город мой.
А были дни – чернее ночи.
Влачились тягостною чередой,
Вливаясь горем в твои очи.
Как есть на счастье чёрная печаль
И на любовь есть мрак измены, –
На жизнь есть смерти чёрная печать...
Таков мир вечный и мир бранный.
...Ты спишь, Казань, а я опять
Над крутизной раздумий.
Стремясь твой черно-белый сон понять,
По улицам ночным бреду я...

116

Здесь радость дышит в каждом колоске
И волны ржи у кромки леса тают.
Как тосковало сердце вдалеке,
До мелочей тебя припоминая,
Мой край родной!
Смотрю,
Как тополя, расправив свои кроны,
Встречают вновь вечернюю зарю.
Вот-вот подует ветер, листья тронув,
И звёзды тихо соскользнут в траву.
До горизонта здесь подать рукою,
И словно тын коснулся облаков,
А слезы стога дразнятся с луною...
Запомнить всё до звуков и тонов,
И унести в душе навек с собою!..

Прости

Прости мои ласки – они опоздали,
Прости мои вёсны – они опоздали.
Прости и глаза, что так поздно взглянули,
Прости и слова, что слезой обернулись.

Прости и ладони – пусты оказались.
Прости и дороги, что нас не связали.
Прости мои годы – так быстро летят,
Прости мои думы – они не спешат...

Прости же за всё... И смеясь, и скорбя...
Прости, как простил я всем сердцем тебя.

Когда воюют счастье и печаль
В душе, как два враждебных государства, –
То лёд и пламень бьются – два меча, –
И кажется, предела нет мытарствам.

Но хуже, если в облике друзей,
Беседуя без шума и без крика
Средь бела дня по улице моей
Печаль и счастье шествуют в обнимку...

117

Баллада о кузнеце

Судьбу свою ковал он сам.
На наковальню гнев швырнув,
Хотел послать ко всем чертям
Надежным молотом войну.
Он часто говорил себе:
– Пока железо горячо,
Ему с размаху в сердце бей, –
Согнётся эдак и сам черт!
Железу вместо всех святых
Молился, молотом звеня.
В Берлин подкову прихватил
Гнедого со звездой коня.
...Горяч был как железо он,
Горячим он вошел в войну,
Горячей пулей в грудь сражён,
Горячим рухнул он в траву.
Вот как! Теперь... меня... ты бьешь? –
Железу выдавил сквозь стон.
– Врёшь, брат! Мужчину не согнешь, –
Перед врагом не гнётся он!
Но был железом побеждён.
Шепнуть за миг до смерти смог
Горячему железу он:
– Вздремну-ка я пока чуток...
Добром помянешь ты меня,
Гвоздём отменным ставши впредь...
Не знал, что искоркой огня
Кровь стыла там, где пули след...

В прибрежных камышах
Проснулся ранний ветер,
Знакомая печаль
В их шелесте живёт.
Смотрю, как по волнам вдаль
Уплывает лето,
И, кажется, вся жизнь –
Течение этих вод.
...Молчишь.
И нежность рук мне
Согревает плечи.
Текут, уходят воды,
Притягивая взгляд.
Похоже, мы плывём
Судьбе своей навстречу,
Тому, что в этот миг
Нельзя предугадать.
Поговорим без слов.
Они нам не нужны.
Всё объяснит любовь,
Которая родилась
В таинственной глубине
Гудящей тишины
Задолго до того, как мы
Друг другу снились.
Мы ощущаем бег
Стремительных мгновений.
И прошлое, как ночь,
Все тает, тает в нас.
Восходит новый день,
Сплетенный из сомнений.
Наверно, оттого
И плачешь ты сейчас...
Пойми, нельзя нам врозь.
Как осень всей листвою
Пылает раз в году,
Так воспылай и ты.
Рождение мечты...
Падение звезды...
Жизнь до того долга
И коротка до боли!..

Родник

Лаская корни среди тишины,
Без усталы бегут лесные воды
Все дальше в чащу вековой природы,
Спокойствия и скромности полны.

Там Шурале по тропкам проходил,
Деревьям ворожила там кукушка...
Почти неслышно на лесной опушке
Бьёт из-под пня
Прохладнейший родник.
Уносит вдаль прозрачная вода
Изящное оленей отраженье.
В замедленном колыхается движенье
На дне голубоватая трава.
Плывёт-скользит желтеющий листок,
Минуя ловко кочки, повороты.
Прокладывают путь лесные воды,
Пока их морю не отдаст поток.
В журчанье слышу:
«Не вернуться вспять,
Не будет больше встреч
С родной землёю
И в час прощанья надо бы с собою
Весь вкус ее неповторимый взять».
Когда же я от родины вдали
Испробую однажды ту водицу,
То в памяти край отчий возродится...
Вода родная, доброго пути!
Вобрав в себя красу и мощь страны,
Стремится смело дальше
В неизвестность.
И, кажется, в груди моей
Не сердце, –
Пульсирует и бьёт живой родник.

В дрожащем пламени
Костров осенних есть
Своя печальная
Особенная весть...
Да, это время не для встреч,
А для разлук,
Да, это песнь кому-то вслед
Простёртых рук.
Уходит поезд, и гудок его,
Как стон,
Уходит поезд вдаль,
В закатный небосклон.
Уходят птицы, оставляя
В гнёздах грусть,
Уходит удаля сумасбродных
Наших чувств.
Остались поцелуи на губах –
Пылать!
Хоть прожил век,
Но не постиг я ничего!
Осталась жажда глубоко
В сердцах – пылать!
Посеял много,
Не собрал я ничего!
Да, было время –
Полыхал большим огнём,
На ветке вербы
Заливался соловьём,
Врывался в дали
Золотистые стремглав,
Парил свободно
Во владениях орла,
И у безбрежных рек был
Мне доступен яр!..
Но так меня и не дождался
Конь-тулпар!
Всё в прах...
Дрожит костра осеннего огонь,
Наговорил,
Но не сказал я ничего...
Костёр осенний – сердце...
О смятенье чувств!
В кострах осенних
Есть особенная грусть...

Кони

А кони –
как надежда:
до изнуренья мчатся!
А кони –
как надежда:
потянут до конца...
Раздумывать не время,
вперёд, вперёд сквозь чащи.
Не Алпамыш ли сзади
грозится их достать?
По высохшей стерне галопом кони скачут.
Подковы отбивают по камням гулко дробь.
...Как чёрный Шурале,
вцепившись в круп горячий,
не отставая, мчится
Упрямо следом скорбь.
Проснулись вёсны, солнце в лужах
заискрилось,
Цветами затянулся копыт остывший след.
Как белых два крыла,
Взметнувшихся из гривы,
Не отставая, мчится
упрямо радость вслед.
...И солнце золотые полощет в волнах нити,
и утренние росы
тальник прибрежный гнут...
И словно ничего
не слыша и не видя,
плывут по Ику кони,
плывут себе,
плывут...

*Перевод с татарского
Розы Кожевниковой*